

14 ФЕВ 1973

„КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ“
Г. Новокузнецк

4 стр.

«КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»

«НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ТЕАТРА!»

Март 1945 года. До победы — «рукой подать». Харьковский театр включил в репертуар героико-романтические произведения и горьковскую пьесу «Варвары». Дора Михайловна Арбенина на репетициях и дома шлифовала, оттачивала сложную роль Надежды Монаховой — женщины, которая, живя среди провинциального смрада и пошлости, искренне верила, по словам автора, в возможность «какой-то великой, пламенной и чистой любви, верила в человека-героя, достойного этой любви». Она разочаровалась, все ей опостыло. И в финале — выстрел... Самоубийство? Да, и в то же время убийство — утверждает автор всем смыслом пьесы — приговор жестокому, лицемерному мещанству: это оно убивает людей.

Афиши оповестили о премьере, касса распродала все билеты. А за два дня до нее артистке принесли с домой письмо. На конверте — незнакомый почерк. Это была, как говорили в те дни, «похоронка». Погиб от осколка, вражеской бомбы друг с юношеских лет, соратник по искусству, муж, отец ее ребенка...

Так сама она познала не на сцене, а в жизни драму, горше которой, казалось, не бывает. Муки провинциальной красавицы казались уже какими-то жалкими... Но артистка знала и видела: солдацкие вдовы, выстрадав и выплакавшись по ночам вволю, утром становились к станкам. «Сожми и ты, не выплескивай свое горе, — твердила она себе. — Премьера должна состояться!».

Друзья в театре окружили ее нежной заботой и участием. Во время премьеры никто в зале не знал, какой ценой ей удастся не просто устоять на сцене, а скитаться со своей героиней и органично войти в слаженный актерский ансамбль... А после спектакля, когда утихли, наконец, аплодисменты, главный режиссер подошел к

ней, поглядел в глаза и сказал:

— Позвольте только одно: поцеловать вам руку!

...Думая об этом далеком эпизоде, я вспоминаю другое, недавнее: вижу Дору Михайловну в спектакле по пьесе Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион»... В память как-то врезался эпизод, во время которого она проклинает Гитлера, призывает на его голову кару и отмщение за то, что он отнял единственного сына у ее друга-соседа, честного труженика. Актриса вложила в каждое слово громадную, покоряющую силу страсти и гнева, ненависти к войне и ее зачинщикам. Каждое слово — вспышка самой души. И зрителей в эти минуты будто пронизывает каким-то током: одни смахивают слезинки со щек, другие аплодируют... Может быть, Дора Михайловна играла эти эпизоды с таким вдохновением потому, что профессиональное мастерство слилось у нее с фактом биографии: уж она-то знает, что значит потерять на войне близкого человека...

Конечно, в искусстве такие совпадения нечасты и вовсе не обязательны. Артистка ведь никогда в жизни не испытывала, например, ничего похожего на переживания Джесси, героини нашумевшей в свое время пьесы К. Симонова «Русский вопрос». Джесси бросает любимого человека потому, что он, прославленный журналист, стал бедняком: написал правдивую книгу о России вместо заказанной ему махровой лжи и отказался от баснословного гонорара. Актриса поняла и сыграла эту типичную американку, для которой богатство дороже любви.

Доре Михайловне чужды хищные, низменные намерения бальзаковской мачехи, преследующей свою падчерицу, ей отвратителен характер шекспировской Гонерилы, пустившей нищим по миру родного отца — наивного и

поздно прозревшего старца, короля Лира.

Но все эти и многие-много другие драматические роли она играла с блеском: рецензенты не скупились на добрые отзывы, зрители — на аплодисменты и цветы. И дело тут не только в искусстве перевоплощения, в пластичности, осанке и грации, в четкой и красивой дикции — во всем том, что составляет сценическое обаяние актрисы. Каждый образ требует глубинного идейного и духовного осмысления.

— Если хотите знать, — говорит она, — именно в гражданственности — главная сущность творчества. Надо чувствовать всеми фибрами души, зачем и для кого ты играешь ту же Гонерилу или чеховскую Машу из «Трех сестер», или горьковскую Наташу из пьесы «На дне»... Чувствовать, что ж ты хочешь сказать нашим нынешним, сегодняшним зрителям, какую идею проповедуешь или отвергаешь...

Об этом-то приходится думать и думать. И днем, и ночью. Всегда.

Да, в этом ее творческое «кредо». Я помню, например, актрису в спектакле по пьесе В. Розова «Перед ужином». Она играла Эмму Константиновну — обывательницу, жаждущую ради своего уюта и благополучия «хапнуть» у общества всячески-блага и прикрывающую алчность пустыми, трескучими фразами. У Арбениной нигде не проглядывало декларативно-«ловкое» осуждение приспособленчества, мещанства. Ее идейная позиция тонко, я бы сказал изысканно, проявлялась в жестах, в диалогах, в отношениях героини с «инакомыслящими». А недавно мы увидели ее в спектакле «Валентин и Валентина» по пьесе М. Рошина в роли бабушки. Тут уж и в тексте, и в подтексте звучали мысли о преемственности поколений, большое желание счастья любимой внучке...

Зрителям Дора Михайловна запомнилась и по целой галерее комедийных образов. Это, например, беспечная, веселая умица Мирандолина («Трактирщица» К. Гольдони), и боевая шахтерская тетя Дуня, которая «завербовала» разбитного женишка для своей дочери, а он проснулся после пьянки и сбежал от разъяренной «тещеньки» («Гордячка» Тамары Ян), это тетя Тоня в шедшем с большим успехом спектакле «Проснись и пой»...

Тысячи зрителей видели, какие яркие и живые сатирическо-гротесковые краски находит актриса для тетушки Тони, когда та рассказывает про свои «пять любовей», которые взяли ее на «пенсию» после того, как от табачной лавки остался «только дым». Здесь сам по себе талантливый текстовый материал мог бы и не сработать, если бы актриса переиграла: где-то излишне усилила интонацию или мимику. Да, такой соблазн на каждом шагу подстерегает исполнителей комедийных ролей. Но Дора Михайловна не нарушила чувства меры, поэтому истории о ее возлюбленных воспринимаются как само естество этой женщины, привыкшей все время жить под чьим-то крылышком, под опекой.

Роли, роли... Только в нашем, Новокузнецком театре их сыграно почти за 25 лет более ста (в этом году 40-летие театра совпадает с «серебряным» юбилеем работы Доры Михайловны в одном коллективе). А всего — почти 300 ролей.

Молодежь учится у Арбениной предельной добросовестности, видит, как она живет и дышит в театре по знаменитой формуле Пастернака: «Цель творчества — самоотдача». Покинула актриса никогда не роптала на изнурительных ночных репетициях: надо — значит, надо! Она дружит с молодыми актерами, рассказывает им, как не раз приходилось после двух-трех репетиций за-

менять заболевших подруг. «А как же вы, — спрашивают у нее порой, — за такое время успевали выучить текст?». «Милые вы мои, — отвечает она, — да я же была на всех репетициях, например, афиногеновской пьесы «Салют, Испания!», десятки раз читала ее. Как же я могла не сыграть роль Люси? Поймите, я не хвастаюсь: многие мои товарищи были всегда готовы сыграть любую роль. А вы? Тоже готовы? Или только свою сыграете?...».

Не так давно Дору Михайловну навестила за кулисами пожилая женщина, принесла в подарок торт и цветы, спросила:

— Вы меня помните?

Актриса взглядела в черты лица и призналась:

— К сожалению, не помню.

— Ничего, я не обижаюсь... Ведь я была совсем еще молодой, когда вы играли Гертруду в «Мачехе». Я видела вас в этом спектакле много раз. Я обожала вас...

Часто ей приходится слушать тот же вопрос: «А помните?». И в нем — благодарность за радость, доставленную искусством.

Рассказывая о творчестве Д. М. Арбениной, нельзя не сказать об общественной деятельности актрисы. Она избиралась депутатом городского Совета двух созывов, народным заседателем, входит в художественный Совет театра, 15 лет избирается членом месткома, много лет вводится в состав жюри, оценивающего выступления самодеятельных драматических коллективов, участвует в вечерах поэзии в библиотеке Дворца культуры металлургов. И это еще не все. Часто ее приглашают школьники — почитать стихи, рассказать об искусстве.

И когда она говорит: «Не могу жить без театра!» — ей нельзя не верить.

М. ШЛИФЕР.

На снимке: Д. М. АРБЕНИНА.